

М. В. Соколова

Научный руководитель: А. Ю. Братухин,
кандидат филологических наук, доцент (ПГНИУ)

ПОЭМА «ХЕЛИАНД». ФОРМИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ К ПЕРСОНАЖУ С ПОМОЩЬЮ ФОРМАЛЬНЫХ СРЕДСТВ

Данная статья будет посвящена одному из древнейших памятников германской литературы, а именно древнесаксонской поэме «Хелианд» (Heliand), созданной в IX в. неизвестным автором [6]. Поэма представляет собой пересказ Нового Завета, выполненный на саксонском языке, а само слово «Хелианд» переводится с древнесаксонского как «спаситель». Поэма была создана по приказу Людовика Благочестивого, однако имя автора, к сожалению, неизвестно. Отличительной особенностью данного произведения является то, что библейские образы в нем приобретают германский колорит, автор адаптирует Евангелие для саксонского народа.

Автор «Хелианда» получил вполне конкретное поручение относительно того, какую информацию он должен актуализировать в своем произведении. Его перевод Евангелия должен был отвечать прежде всего трем требованиям: искоренять языческие суеверия, обеспечить не владеющим грамотой верующим доступ к Священному Писанию и, самое главное, способствовать распространению христианской веры.

Местом возникновения поэмы считается монастырь Фульда в Тюрингии, при истоках реки Фульдт, основанный в VIII в. одним из учеников святого Бонифация; школой этого монастыря в последние годы Карла Великого руководил Рабан Мавр. Уже в 775–777 гг. монастырь предоставил около 40 проповедников и клириков низшего ранга для миссионерской деятельности среди саксов. Карл Великий уделял большое внимание данному монастырю, и при распределении завоеванных земель среди церковных приходов Фульда занимала центральные позиции. К 765 г. Фульда стала одним из самых богатых и значимых монастырей, близких к власти Каролингов.

Библиотека монастыря содержала всю необходимую автору «Хелианда» информацию. Поэт пользовался комментариями к Евангелию Беды Достопочтенного (673–735), Алкуина и Рабана Мавра. Кроме того, в Фульде автор более полно познакомился и с народным языком саксов – до и во время войны с саксами в монастыре присутствовала значительная часть саксонских монахов.

Мастерство автора можно увидеть, прежде всего, в однородных группировках: поэма состоит из 5983 стихов, начинается с рождения Христа, достигает кульминации при изложении Его учения и заканчивается Его смертью. Кульминация приходится на среднюю часть поэмы, где расска-

зывается о Нагорной проповеди. В ней автор излагает все христианское учение в совокупности, поэтому Христос говорит к народу только единожды. Все Его дальнейшие слова обращены к ученикам.

Следующий важный формальный признак – хакенштиль (Hackenstil). В стихосложении это называется анжамбеман (перенос, текучая строка), то есть «несовпадение синтаксической паузы, остановки, с ритмической – концом стиха, полустишия, строфы» [2, с. 25]. Например:

Ik mag thi filu seggan
 Uuârun uuordun, thar her undar thesumu uuerode standad
 Gesîdos mine, thea ni môtun suelten êr,
 Huerben an hinenfard êr sie himiles lioht,
 godes rîki sehat¹ (Heliand XXXVII: 3103–3107).

Что касается содержания поэмы, автор «Хелианда» не предлагает нам обычный перевод или обработку новозаветных историй. Он не просто пересказывает события, описанные в Новом Завете, а делает особую выборку и создает самостоятельное произведение, в котором, однако, не искажается библейское содержание.

Поэма богата эпитетами, что характерно для раннесредневекового эпоса. Определение эпитета мы можем найти у А. Н. Веселовского: «Эпитет свойствен и поэзии, и прозаической речи; в первой он обычнее и рельефнее, отвечая поднятому тону речи. <...> Эпитет – одностороннее определение слова, либо подновляющееся его нарицательное значение, либо усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета» [1, с. 59]. А. Н. Веселовский выделяет две большие группы эпитетов – тавтологические и пояснительные. В «Хелианде» большую часть составляет вторая группа. В их основе лежит какой-нибудь один признак, который либо считается существенным в предмете, либо характеризует «его по отношению к практической цели и идеальному совершенству. <...> В них много переживаний, отразились те или другие народно-психические воззрения, элементы местной истории, разные степени сознательности и отвлечения и богатство аналогий, растущее со временем» [1, с. 59].

С помощью эпитетов поэт влияет на восприятие нами героя. Читатель сразу узнает, как он должен относиться к тому или иному человеку. У автора «Хелианда» есть определенная цель, он хочет либо привести читателя к Богу, либо укрепить его в вере. Такое непосредственное влияние на

¹ «Я могу сказать тебе это
 Истинными словами, что здесь в мире есть
 Преданные мне, которые не должны умереть,
 Уйти из этого мира, пока они свет небесный,
 Царство Божие не увидят».

рецептора достигнет своей цели гораздо раньше, если читатель не будет самостоятельно догадываться, кто есть кто, а получит от автора четкое объяснение. Именно эпитеты являются главными помощниками в этом деле. Читатель должен сочувствовать, сопереживать, он должен быть ведом поэтом. Эпитеты лучше всего влияют на чувства, поэтому они так важны для произведения.

В поэме происходит строгое разделение добра и зла, и все герои соответственно склоняются либо к первому, либо ко второму. Такое деление соответствует намерению автора спасти души людей от ада и потому является для него необходимым. Данное разграничение представляет собой твердое основание, на котором строится все остальное повествование. Благодаря этому основанию сюжет может уходить в любое русло и вызывать самые различные эмоции; основной каркас остается на месте.

Люди в «Хелианде» являются либо добрыми, либо злыми, либо отвратительными, либо прекрасными, что всегда соответствует их духовным и физическим качествам. Г. Беррон в своей работе о «Хелианде» приводит следующую цитату Б. Энгельберга (B. Enhelberg): «Diese naiv uniformierende Darstellungsweise vermag in ihrer strengen Konsequenz wohl zu packen und fortzureißen, aber der Dichter verliert dabei auch an persönlicher Wirkung»² [4, S. 53]. С обозначением метода изображения как наивного согласен также Г. Эгельхааф, который описывает способ повествования автора «Хелианда» как «die herzlich naive Art»³ [5, S. 12]. Что касается «личного влияния», то поэт и не стремился к нему, ему хватало «строгой последовательности», так как он хотел, пользуясь словами Пауля Эрнста, «влиять объективно» [цит. по: 5, S. 12].

Итак, мы имеем две противоположные группы. Одна из них – одобряемая автором, туда относятся ученики и все друзья Иисуса. Вторая – осуждаемая, в ней находятся противники Христа. «Повторяющиеся, более или менее устойчивые признаки образуют свойства персонажа» [3, с. 80]. В поэме можно выделить семь главных эпитетов, признаков, которые описывают Христа (они совпадают с эпитетами, описывающими Бога-Отца): *hêlag* ‘святой’, *mahtig* ‘могущественный’, *rîki* ‘великий, богатый’, *mâri, sâlig* ‘блаженный’, *gôd* ‘божественный’, *liof* ‘почитаемый, любимый’. Святость, сила и величие, милость и доброта – вот основные признаки Спасителя.

Говоря про аппозитивные⁴ признаки в поэме, Эленберг считает их ос-

² «Такой наивно стандартизированный метод изображения мог бы увлечь своей строгой последовательностью, но при этом поэт теряет личное влияние».

³ «в высшей степени наивный способ».

⁴ Аппозиция – в грамматике присоединение существительного или прилагательного к другому существительному для его более близкого определения или обособления.

новными носителями пафоса, которые делают акцент прежде всего на чувствах. Чаще всего их можно встретить среди следующих примеров: *mahtig, hêlag, mâri, kraftag* ‘сильный’, *gôd, wîs* ‘мудрый’, среди превосходной степени *rîkeost, hêlgost, kraftigost, bezt* ‘лучший’, реже – среди количественных данных и показателей степени интенсивности, таких как *al* ‘все’, *manag* ‘некоторые’, *mikil* ‘много’.

Эпитеты в поэме также создают определенную атмосферу. Так, например, в пятой главе, в которой рассказывается о рождении Иисуса и о пастухах в поле, содержится очень много эпитетов, которые сразу дают понять, что в этой главе речь пойдет о чем-то прекрасном и великом. Там присутствуют такие определения, как *gôd, mahtig, uuânum* ‘излучающий свет’, *hêlag, sâlig, mâri, berth* ‘влиятельный’, *strangost* ‘сильнейший’, *craftigost* ‘сильнейший’, *scôniost* ‘прекраснейший’, *fagar* ‘сияющий’, *rîkeost* ‘самый великий’, *blîdlîc* ‘радостный’ – одно только слово *gôd* употребляется пять раз. Именно наполненность определениями и создает здесь атмосферу чего-то светлого и торжественного.

В рассказе о Вифлеемском избии младенцев (середина 9-й главы) Беррон выделяет так называемое трезвучие, не гармоничное, а построенное на диссонансе, что и создает нужную атмосферу. Художественное единство не всегда обозначает гармонию, может преобладать дисгармония. Ее передают следующие определения: 1. «молодой» – *kindisc, jung, luttil, magujung, kindjung*; 2. «невиновный» – *sundiono lôs, unsculdig*; 3. «жалкий, плачевный» – *giâmarlîk, armlîk, sêr, blôdag*. Эти признаки по-своему влияют на читателя, создавая мрачную и трагическую атмосферу.

В рассказе об искушении в пустыне Иисус и Сатана получают примерно одинаковое количество эпитетов. Но Сатана каждый раз называется по-разному: *nîdhugdig* ‘полный зависти’, *mirki* ‘лукавый, коварный’, *unhiuri* ‘злой’, *lêd* ‘лживый’. При таком многообразии описания Сатаны, Иисус описан довольно скромно – преобладает лишь один эпитет *hêlag* ‘святой’, использующийся в данной главе пять раз. Вероятно, автор хотел показать, что святость Иисуса – Его главная защита от дьявола.

Подведем итог. Поэма «Хелианд» была написана в монастыре Фульда неизвестным поэтом. Скорее всего, поэт был одним из монахов монастыря, однако у него есть талант, присущий народному певцу, так как поэма представляет собой мастерски составленный эпос, где на достижение запланированного автором коммуникативного эффекта направлены все средства. С помощью таких формальных средств, как прямая и косвенная речь, автор выделяет наиболее важные высказывания, которые содержат ключевые для христианства мысли. Используя большое количество эпитетов, автор «Хелианда» заранее формирует определенное отношение читателя к тому или иному персонажу. В основном поэт характеризует внутренний мир героев, передавая посредством эпитетов основные черты их характера.

Список литературы

1. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М. : Высшая школа, 1989. 406 с.
2. *Гаспаров М. Л.* Анжамбеман // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М., 1987. С. 25.
3. *Гинзбург Л. Я.* О литературном герое. Л. : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1979. 222 с.
4. *Berron G.* Studien zum Heliand als Kunstwerk. Würzburg : Aumühle, 1939. 91 S.
5. *Egelhaaf G.* Grundzüge der deutschen Literaturgeschichte. Leipzig : O.R.Reisland, 1896. 185 S.
6. Heliand. Die Verdener altsächsische Evangelium-Dichtung von 830 übertragen ins 21. Jahrhundert. Verden : Helbig, 2007. 310 S.

А. Н. Шибанова

Научный руководитель: О. Ю. Поляков,
доктор филологических наук, профессор (ВятГГУ)

ТОБАЙАС СМОЛЛЕТТ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА ЖУРНАЛА «CRITICAL REVIEW»

Тобайас Джордж Смоллетт (1721–1771), младший современник Ричардсона и Филдинга, известен прежде всего как романист. Но его творчество не ограничивалось эпическим жанром. Смоллетт также был поэтом, историком, драматургом, переводчиком, редактором и литературным критиком.

В 1756 г. Арчибальд Гамильтон, бывший некогда работником типографии в Эдинбурге, назначил Смоллетта редактором своего ежемесячного журнала «Critical Review», созданного в противовес «Monthly Review» Ральфа Гриффитса и представлявшего интересы «Высокой церкви» и принципы партии тори. Тобайас Смоллетт был редактором «Critical Review» с 1756 по 1763 гг. [6].

Уильям Смитон (1856–1914), шотландский писатель, журналист, редактор, историк, в книге «Тобайас Смоллетт» (1897) дал оценку Смоллетту, учитывая различные виды его писательской деятельности. Стоит отметить, что в своих суждениях Смитон достаточно строг, но при этом он обратил внимание и на положительные стороны Смоллетта как критика и как личности: «Хотя он далек от Сент-Бева в критической оценке произведений, хотя его высказывания никогда не отличались глубокой одухотворенностью и эмоциональной пронизательностью знаменитого *Causeries du Lundi* из парижского “Constitutional”, все же это честные, искренние, открытые оценки человека, который ... не будет судить предвзято, побуждаемый чувством долга перед покровителем или чувством страха» [8, p. 145].